
СЕМЬЯ, БРАК, ЛЮБОВЬ — РАВНОЦЕННЫЕ ИЛИ НЕСВЯЗАННЫЕ ПОНЯТИЯ ДЛЯ МОЛОДЫХ РОССИЯН?*

И.В. Троцук, Е.А. Савельева, А.А. Салех

Кафедра социологии
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

Признавая неизменную актуальность социологического изучения семейно-брачно-любви проблематики, поскольку семья выступает одним из древнейших типов социальности и базовым институтом общества в обозримой исторической перспективе, авторы реконструируют ключевые тематические направления социологически релевантного разговора о векторах изменений моделей семьи и особенности отечественной традиции их исследования. Кратко суммировав контексты и акценты в оценке роли семьи в жизни современного общества, а также основные факторы, обусловившие нормальность многих, прежде считавшихся недопустимыми, вариантов брачности и семейных отношений с середины XX в., авторы рассматривают результаты опроса студентов старших курсов, реализованного методом анкетирования в Российском университете дружбы народов и призванного охарактеризовать особенности личного восприятия семейно-брачно-любви проблематики студенческой молодежи. В частности, представлены доминантные трактовки понятий любви, семьи и брака, черты «идеального партнера» и варианты его «обретения», базовые компоненты образа идеальной семьи, предпосылки вступления в официальный брак, его отрицательные стороны и сдерживающие факторы развода. Так как семейно-брачная сфера в России весьма стереотипно-ценностно нагружена именно в гендерном своем измерении, авторы акцентировали внимание на различиях представлений юношей и девушек по всем перечисленным вопросам, которые подчеркивают сохраняющуюся приверженность традиционным ролевым моделям — мужчины-добытчика и женщины — прекрасной хранительницы домашнего очага.

Ключевые слова: ценности; ценностные ориентации; любовь; дружба; семья; брак; молодежь; эмпирическое социологическое исследование.

Семья, любовь и брак, судя по результатам многочисленных массовых опросов, из года в год проводящихся в разных регионах России, остаются базовыми ценностями всех поколений россиян, даже получая особое содержательное и «функциональное» наполнение в различных социокультурных контекстах и для разных когорт: люди могут по-разному определять как суть брака и любви, так и их предназначение для себя лично и общества в целом, но в любых ранжированных списках смысложизненных ценностей перечисленные понятия, прежде всего семья, неизбежно оказываются в тройке лидеров.

Проводимые на протяжении десятилетия на базе Социологической лаборатории Российского университета дружбы народов репрезентативные опросы студенчества (1) неизменно фиксируют, что российская молодежь (если отталкиваться от модальных ранговых значений) ставит на первое место по значимости для себя лично именно семью, даже если по прочим приоритетам (здоровье, дружба, образование, работа, материальный достаток, свободное время, религия, политиче-

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ). Грант № 13-33-01263.

ская и общественная деятельность и др.) наблюдаются расхождения по социально-демографическим и поселенческим характеристикам. Причем тематика исследований, несомненно, ориентирующая респондентов на определенный формат рассуждений, слабо влияет на их оценку семейно-брачно-любобвной проблематики: даже если анкета сфокусирована на «диагностике» ключевых страхов молодежи, то при группировке таковых в несколько тематических блоков боязнь одиночества (остаться одному — потерять близких, не иметь детей) оказывается в числе лидеров по частоте упоминаний.

Так, например, проведенное в 2013—2014 гг. исследование ожиданий и опасений студенчества в профессиональной сфере (но в опросный инструментарий был включен блок вопросов про семейные предпочтения как важные для понимания профессиональных и брачных планов), реализованное методом анкетирования на репрезентативной выборке студентов РУДН, показало, что лишь 2% студентов состоят в официальном браке, 14% живут вместе, далеко не всегда квалифицируя это состояние как «гражданский брак», у каждого второго пока нет любимого человека (что соответствует социально одобряемой, особенно со стороны родительских поколений, последовательности решения жизненных задач — сначала учеба, потом уже женитьба и работа).

Гендерные различия ярко проявились в оценках необходимых условий для вступления в официальный брак: каждая пятая девушка, но каждый десятый юноша готов к браку сразу после окончания вуза; большинство (63%) юношей в соответствии со стереотипом «кормильца семьи» полагают, что сначала нужно устроиться на работу и стать финансово независимым, чтобы обеспечивать семью; каждый десятый юноша вообще не видит необходимости в официальной регистрации отношений (среди девушек таковых 5%).

В своих семейных предпочтениях юноши разделились на два «лагеря» — половина выступает за партнерский брак (73% девушек), когда супруги поровну делят семейные обязанности, чуть меньше половины — за модель, где муж работает, а жена воспитывает детей (24% девушек). Невзирая на указанные различия, девушки и юноши консолидировано признают исключительную важность семьи в своей жизни и рассчитывают на поддержку родных в реализации своих планов (примерно по 80%); отношения с родными намного реже, чем учеба, работа и общение с друзьями, становятся причиной их негативных переживаний.

Помимо субъективно-оценочного компонента семейно-брачно-любобвной проблематики актуальность социологического изучения семьи определяется и объективными, статистически фиксируемыми (через показатели брачности, рождаемости, деторождения и др.) ее изменениями как важнейшего социального института, который переживает в последние десятилетия радикальные трансформации, испытывая огромное внешнее давление со стороны политических, экономических, социокультурных и других факторов. В частности, во многих странах традиционная модель семьи (речь не идет о смене патриархальной семьи нуклеарной — последняя уже стала вполне «традиционной»), в основе которой лежат родственные связи, постепенно вытесняется партнерско-супружеским союзом [см., напр. 5]:

он имеет «сокращенный» состав — муж и жена, родители с детьми (до достижения ими совершеннолетия и отделения от родителей); фактор взаимоотношений и возможности самореализации обретают приоритетный для создания и сохранения семьи характер. Многие исследователи уже двадцать лет назад утверждали, что семья в традиционном, патриархальном своем формате переживает кризис [см., напр. 4], поскольку семейные ценности утрачивают свое значение, уступая позиции стремлению к самореализации за счет отказа иметь собственную полноценную семью с детьми.

Результаты многолетнего европейского исследовательского проекта 1978—2000 гг. полтора десятилетия назад показали, что базовые семейные ценности, такие как стабильный брак, наличие детей, признание рождения и воспитания детей основой жизни женщины, слабеют, и примерно каждый пятый европеец (и россиянин) уже в 1999 г. соглашался с утверждением, что брак — в значительной степени пережиток прошлого, четко отделяя его от понятия семьи и веря в нормальность рождения ребенка вне брака, что объясняет рост удельного веса разводов по отношению к бракам, числа оправдывающих разводы, среднего возраста вступления в первый брак, числа сожительства и «странных» видов браков — гостевых, выходного дня и пр.

Следует признать, что отечественную аналитическую традицию в рамках изучения семьи характеризуют разнообразные клишированные фразы типа «семья — первичная ячейка общества» [см., напр. 21. С. 53; 24. С. 24], которая либо, как микрокосм, отражает суть происходящих в обществе в целом перемен [13], либо, напротив, выступает «островком стабильности» и защиты от внешних социальных трансформаций [3. С. 142; 20. С. 117].

Иными словами, логика функционирования семьи связывается с состоянием других социальных институтов [23], что определяет преимущественно макросоциологическую перспективу анализа семейно-брачной проблематики. Так, например, С.И. Голод выделяет три «идеальных исторических типа семьи» [4]: традиционная патриархальная, наиболее архаичная форма семейной «зависимости жены от мужа и детей от родителей» (сохранялась в России до конца 1920-х гг. [18. С. 158]) постепенно сменяется детоцентристской, современной семьей с повышенным вниманием к частной жизни вообще и эмоциональной составляющей родительства в частности; в основе супружеского, постсовременного типа семьи лежит «симметричность прав и ответственности обоих супругов», т.е. отношения определяются не родством (как в патриархальной семье) или рождением (как в детоцентристском союзе), а своеобразной «кооперацией» людей разных полов и поколений в целях самореализации каждого из них. Логике подобного перехода определили макротрансформации, начавшиеся в России с конца XIX — начала XX в.: эмансипация женщин, изменение матримониального поведения, рост числа разводов и внебрачной сексуальной практики, вытеснение в брачной сфере традиций и обычаев свободой личного выбора, возвышение роли частной жизни, интимности и ценности детей и т.д. [16. С. 121—122].

Безусловно, речь идет именно о смене доминантных типов семьи, а не о вытеснении одним «идеальным типом» остальных — сегодня все три типа семьи, а также разнообразные новомодные форматы семейно-брачных отношений функционируют параллельно (скажем, в отдаленных сельских районах воспроизводится наиболее архаичный патриархальный тип семьи, основанный на кровнородственных зависимостях и традиционном «половом» разделении работ).

Эволюционный подход к изучению трансформации семейных моделей в XX в., вытеснивший производственный макро-анализ семьи, иногда упрекают в «близорукости» [23. С. 19] за отсутствие объяснений причин (а не общей логики — через кризис института семьи и утрату им своих главных функций воспроизводства населения и социализации или же вследствие закономерного исторического развития) перехода от одного типа семьи к другому. Тем не менее, он корректно, пусть и схематично, фиксирует тот объективный контекст, на фоне которого в современной истории России, несмотря на постоянно циркулирующие в средствах массовой информации и официальном государственном дискурсе пессимистичные оценки состояния социальных институтов семьи и брака, все поколения, по крайней мере декларативно, вновь и вновь утверждают, что семья, причем и в более широком смысле ближнего круга родственников, является для них основной ценностью [см. 14 и др.].

Эволюционный подход отражает и смену акцентов государственной политики в семейной сфере с конца 1950-х гг., которая в целом не смогла изменить общего вектора трансформации семейных отношений. С начала 1960-х гг. семья обрела все большую автономию, чему способствовал массовый переход от коммунального образа жизни к проживанию в отдельных квартирах и возможности влиять на жизненный и образовательный путь детей на фоне постепенного «смягчения» практик государственного нормирования семейных и внутрисемейных отношений, реализации вполне «социал-демократических» мер социальной политики в отношении матерей, завершения массового вовлечения женщин в общественное производство, инициированное в начале 1930-х гг. и предполагавшее, что воспитание детей в значительной степени возьмут на себя государственные детские учреждения [см., напр. 8. С. 35—37; 19; 22. С. 183—184].

Соответственно, уже к 1980-м гг. изменились традиционные представления женщин о распределении обязанностей между супругами (примерно каждая вторая стала считать, что если оба супруга работают, то домашние дела должны распределяться в зависимости от нагрузки на работе, склонностей и т.д. [18. С. 160]) и потеряли свое значение внешние факторы, стабилизирующие семью извне (экономическая зависимость женщин от супругов, юридические, религиозные и моральные запреты и т.д.) — стабильность брака стала зависеть от удовлетворенности семейной жизнью, а она, в свою очередь, — от взаимопомощи, поддержки и опеки, общения в семье.

На исторически сложившуюся естественную трансформацию демографической модели в условиях распада советской системы и перехода к рыночной эко-

номике в 1990-е гг., когда вся социальная сфера, в том числе и семейные проблемы, отошли на периферию государственных интересов и оформилась сохраняющаяся до сих пор тенденция «искоренения государством социального иждивенчества» [17. С. 60, 63] (перекладывания всех забот о детях и семье на саму семью) — наложились социально-экономические трудности. Это привело к сокращению регистрируемой брачности во всех возрастных группах, но особенно среди молодежи [2], в том числе в силу роста ее положительного отношения к внебрачным связям [7]; соответственно, резко выросло число внебрачных рождений, особенно в «возрасте минимальной брачности» (когда у женщин не остается надежд на закрепление отношений браком, а тянуть далее с рождением ребенка опасно для здоровья матери и малыша). К началу 1990-х гг. незарегистрированные сожительствa стали социальной нормой и статистически значимой альтернативой официальной семье [15. С. 72], что наметило все нарастающую тенденцию к разделению институтов брака и семьи. Распространение незарегистрированных браков и рост желания молодежи откладывать создание семьи до достижения определенного уровня образования, материального достатка и социального положения обусловили увеличение среднего возраста вступления в «законный брак» уже к началу 2000-х [11. С. 27—30].

Таким образом, с начала 1990-х гг. сексуальные отношения, любовь, семья, брак, рождение и воспитание детей стали превращаться для молодежи во все более независимые друг от друга «вещи». При этом, как показывают данные многочисленных социологических опросов, в российском обществе сохраняется высокая значимость брачных уз для создания семьи, хотя трактовки функций брака и моделей ролевого взаимодействия его «участников» стали весьма разнообразны: ряд исследователей уже давно говорит о том, что в России доминирует «постсоветский традиционализм», абсолютизирующий и идеализирующий семью как одну из высших социальных ценностей [10. С. 270—275], яркий пример чему — введенный в 2008 г. Всероссийский день семьи, любви и верности.

Несомненно, на трансформации института семьи и его трактовки повлияло и изменение гендерных ролей женщины с точки зрения соотношения «домашней» и «профессиональной» карьеры: в начале XX в. женщина считалась, в первую очередь, хранительницей домашнего очага; для советского периода характерно сочетание профессиональной и семейной ролей в рамках гендерного контракта «работающей матери» и акцентирование государством важности именно профессиональной реализации женщин; сегодня происходит частичный возврат к признанию значимости семейной роли женщины, что связано и со сложностями устройства детей в дошкольные учреждения, и с отсутствием поддержки в воспитании детей со стороны родственников, и с трудностями достойного трудоустройства (высокий уровень «женской» безработицы, неравенство в оплате труда и возможностях карьерного продвижения женщин и мужчин, вытеснение женщин в низкооплачиваемые отрасли экономики и т.д.) [12].

Нынешний этап в развитии социологии семьи, начавшийся со второй половины XX в., характеризуется двумя особенностями: во-первых, окончательным оформлением базовых концептуальных подходов к изучению семьи [1], в качестве которых выступают интеракционистский (анализу подвергается взаимодействие членов семьи как закрытой системы, практически не поддерживающей связей с внешним миром), структурно-функциональный (семья выступает как социальная система с соответствующей структурой и набором функций), ситуационный (в центре внимания — нормы и ценности семейных отношений), институциональный (семья как главный социальный институт общества) и эволюционный (пытается сочетать наработки и достоинства всех подходов, сформировать полную картину состояния и трансформаций семейно-брачных отношений в современном мире). Во-вторых, на протяжении последних десятилетий социологи занимаются интенсивной эмпирической работой — как вторичным анализом и обобщением результатов исследований прошлых лет, так и сбором данных в целях прогнозирования будущего семьи, исходя из ее нынешних черт, в условиях усиления тенденции утраты ею своих формальных институциональных признаков и сокращения объемов выполняемых функций. В частности, эмпирические проекты с начала 2000-х гг. фиксируют неизменную ценность семьи и семейного образа жизни для россиян, прежде всего потому, что он обеспечивает взаимную поддержку на психологическом и материальном уровне, т.е. в жизни семьи важны как интимно-личностные мотивы, так и материально-экономические соображения.

Чтобы оценить, как преломляются все обозначенные вопросы, а также каково соотношение понятий любви, семьи и брака в восприятии российской студенческой молодежи (2), в конце 2013 — начале 2014 г. на базе Социологической лаборатории РУДН на репрезентативной выборке студентов старших курсов было реализовано анкетирование, посвященное семейно-брачно-любобной проблематике в ее «идеальных» и «реальных» воплощениях. Мы решили опросить студентов начиная с третьего курса бакалавриата и магистров, потому что в силу социокультурных ожиданий в данном возрасте любой молодой человек волей-неволей начинает задумываться о собственном будущем и перспективах в сфере семейно-брачных отношений.

Обобщенный социально-демографический портрет нашего респондента таков: он вырос в семье с обоими родителями, что важно для формирования образа полной семьи как «нормальной» (71% опрошенных; каждый пятый хотя бы часть детства/юности провел в семье с одним родителем), проживает с родителями или другими родственниками (53%; каждый пятый живет один), считает себя верующим (76%) и работает (каждый второй), хотя и не по профессии. Абсолютное большинство студентов характеризует свои отношения с родителями как теплые, дружеские, даже полное взаимопонимание (89%; рис. 1) (3), что объясняет настрой воспитывать своих детей так же, как в родительских семьях (68%; каждый пятый делал бы это по-другому), и то, что свою ответственность студенты чувствуют в первую очередь за свою семью и близких (85%), а уже затем за себя (28%) и своих друзей (25%).

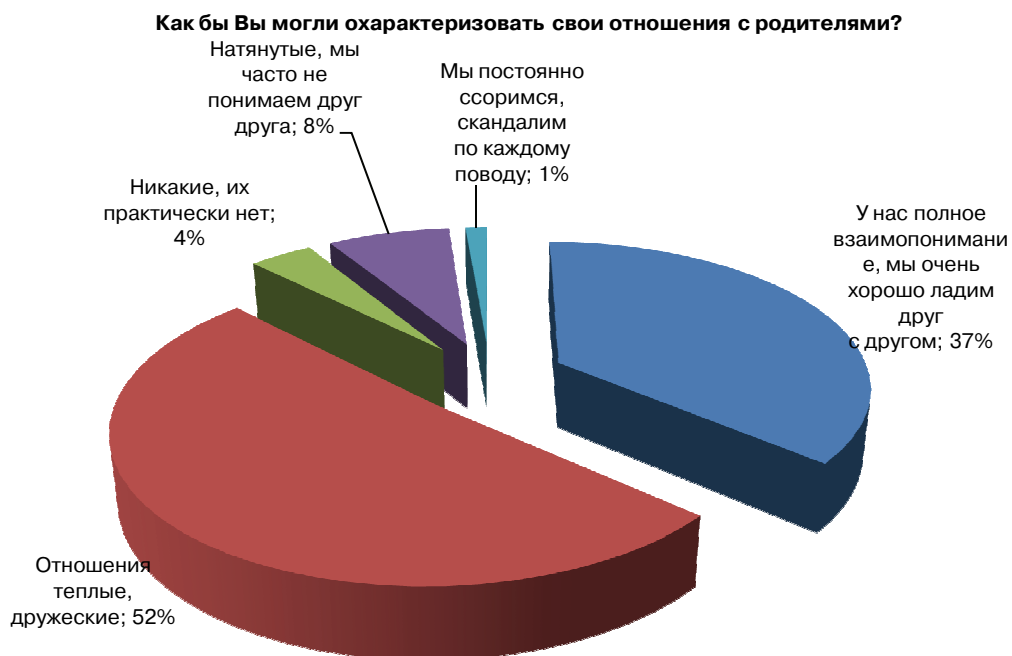

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Как бы вы могли охарактеризовать свои отношения с родителями?»

Когда речь заходит о принципиально важных решениях в жизни студентов, то в их взаимоотношениях с родителями срабатывает одна из трех стратегий: достижение компромисса, принятие совместного решения (в 39% случаев); родители продавливают собственный вариант (13%); родители соглашаются с выбором ребенка (43%). Иными словами, в большинстве семей превалирует уважительное отношение к мнению ребенка, стремление прислушиваться к нему (рис. 2).

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Когда речь идет (или заходила прежде) о важных проблемах в Вашей жизни, требующих серьезных решений, как обычно ведут/вели себя Ваши родители?»

Ссоры и конфликты с родителями у студентов обычно случаются из-за их поступков и поведения (включая учебу, работу, образ жизни в целом), на втором месте по частоте упоминаний — бытовые проблемы и домашние дела (39%), на третьем — разные взгляды на жизнь (29%). Образ жизни родителей — причина конфликтов в незначительном числе семей (6%; по сути, это закрытие призвано обозначить остроту «конфликта отцов и детей» в широком смысле, а не по конкретным поводам).

По данному вопросу проявились вполне предсказуемые гендерные различия, учитывая, что мы опрашивали старшекурсников, а также устойчивые «клише» о послушности и «правильности» девушек: их поведение в широком смысле (поступки, учеба/работа, образ жизни) — причина ссор и конфликтов в 70% семей, у юношей аналогичный показатель составил 96% (рис. 3). Столь же ожидаемо юноши чаще конфликтуют с родителями по вопросам учебы/работы (33% против 21%).

Столь позитивные оценки родительской семьи не означают, что молодежь считает именно семейные отношения приоритетными: отвечая на вопрос «Какие из перечисленных отношений особенно важны для человека?», респонденты поставили на первое место одновременно семейные (78%), дружеские (76%) и любовные (63%) отношения, за которыми с огромным отрывом идут профессиональные (27%), общие интересы/хобби (18%), трудовые (11%), общая гражданская позиция, религиозное единство (по 6%) и, наконец, политическое единство (4%).

Данное распределение явно характеризует российскую молодежь как сфокусированную на частной жизни и объясняет ее аполитичность.

Высокая позиция дружеских отношений наряду с любовными и семейными не должна вызывать удивления: лишь каждый третий категорически разводит понятия любви и дружбы, полагая, что это абсолютно разные вещи (19%) и дружба — не главное в любви, потому что для дружбы есть друзья (13%). Большинство опрошенных (75%), напротив, уверено, что любовь и дружба тесно взаимосвязаны: любимый человек — всегда настоящий друг, которому полностью доверяешь (41%), и любовь станет крепче и полнее, если людей связывает дружба (35%). Гендерные различия в оценках соотношения любви и дружбы существенны: юноши почти в два раза чаще разводят эти понятия (45% против 25%) (рис. 4). Причем студенты не идентифицируют любимого человека только и исключительно с тем, с кем состоят в любовной связи: слыша слово «любовь», 66% действительно в первую очередь думают о любимом человеке, но каждый третий (34%) — о родителях (семье).

Слово «любовь» не столько понимается респондентами по-разному, сколько является для них весьма многогранным понятием (табл. 1): это одновременно состояние абсолютного доверия (50%), полное взаимопонимание (46%), чувство, которое вызывает позитивные эмоции, но при этом требует взаимной ответственности (по 42%) и нередко основано на общих интересах и взглядах (34%), интимной близости (28%) и взаимном восхищении (18%). Гендерные различия здесь, как ни удивительно, учитывая социальные стереотипы о «возвышенности» и мечтательности девушек и «приземленности» юношей, оказались незначительны: девушки чаще подчеркивают важность абсолютного доверия (54% против 43%) и взаимной ответственности (45% против 38%), юноши — взаимного восхищения (24% против 14%).

Если у вас с родителями возникают ссоры, конфликты, то обычно из-за чего?

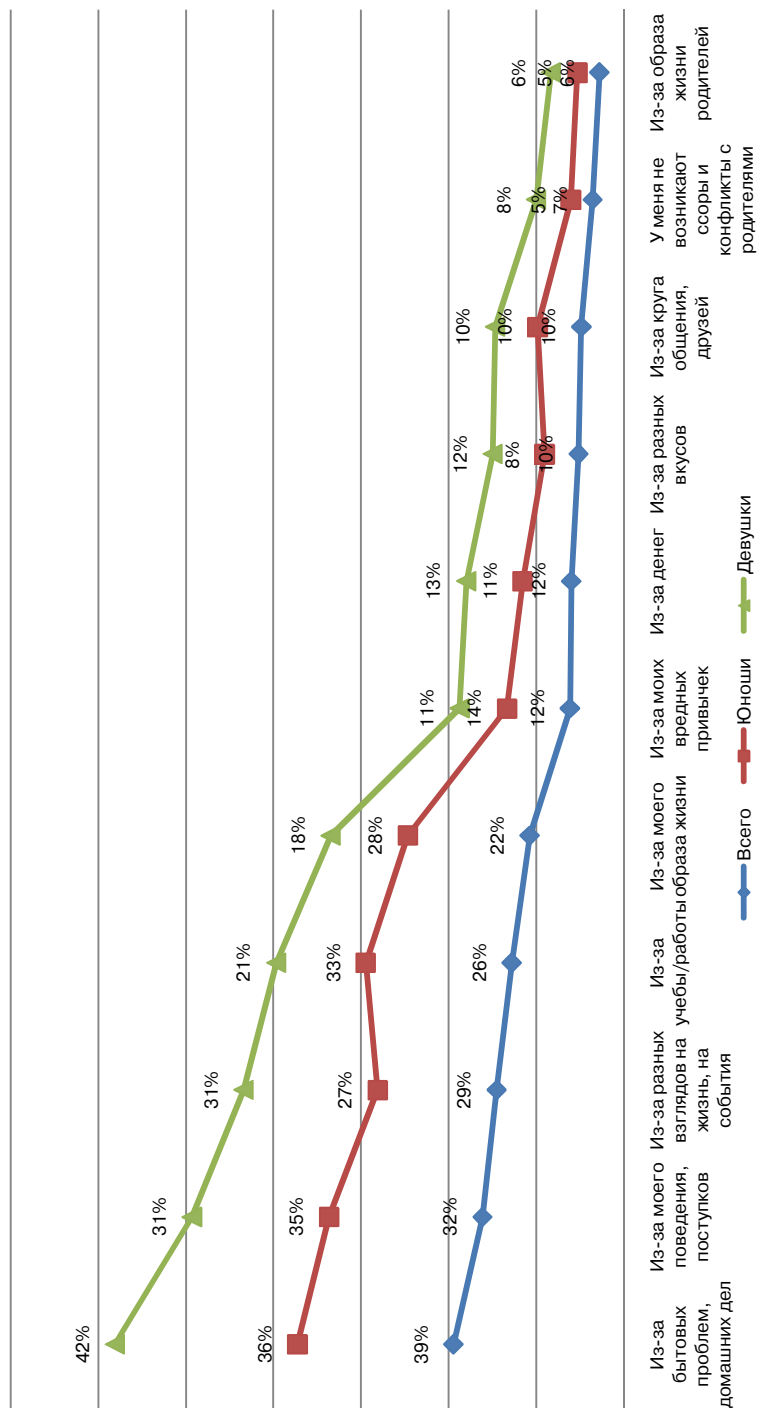

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Если у Вас с родителями возникают (возникли прежде) ссоры, конфликты, то обычно из-за чего?»

Рис. 4. Распределение по полу ответов на вопрос «Насколько, по Вашему мнению, связаны понятия «друг» и «любимый человек»?»

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Для Вас любовь — это, в первую очередь»

Варианты ответов	Всего	Юноши	Девушки
Состояние абсолютного доверия	49,5%	43%	53,8%
Полное взаимопонимание двух людей	45,8%	47,5%	45,2%
Чувство, которое вызывает позитивные эмоции	42,4%	43,6%	41,6%
Взаимная ответственность друг перед другом	42,2%	38%	44,8%
Общие интересы и взгляды, сближающие двух людей	34,2%	30,7%	36,2%
Интимная близость	28,4%	28,5%	28%
Взаимное восхищение друг другом	17,8%	24%	14%
Чувство, которое может вырасти только из дружбы	8,4%	8,9%	8,2%
Затрудняюсь ответить	6%	6,7%	5,7%
Я не верю в любовь	2,4%	2,8%	2,2%
Кратковременное чувство	1,7%	2,2%	1,4%
Другое	1,7%	1,7%	1,4

Гендерные различия проявились и в образе идеального партнера для построения семейных отношений. В целом по выборке, по крайней мере декларативно, для респондентов не важны религиозная и этническая принадлежность человека, его одобрение близкими и друзьями, его «идеальность во всем».

Прежде всего, идеальный партнер — это любящий человек (то, что за этой характеристикой со значительным отрывом следуют все остальные, свидетельствует об усвоении молодежью такого «рецепта» хороших отношений, как «главное — чтобы любили тебя»), преданный, к которому ты испытываешь глубокие чувства; он хочет создать с тобой семью, у вас общие интересы, он понимает тебя с полуслова, при этом умеет доставить сексуальное удовольствие и внешне привлекателен. Гендерные акценты в этом образе различаются, но не радикально:

девушки следуют обозначенному ранее «курсу», согласно которому в любовных отношениях главное — преданность и любовь к ним; вполне в духе стереотипа «мужчина — кормилец семьи» они в три раза чаще подчеркивают, что он должен много зарабатывать. Юноши, следуя устойчивым коллективным представлениям о ролевых «предписаниях» в семье, считают, что в идеальном партнере в равной степени важны и верность, и любовь к ним, и желание создать семью, и общие интересы, и взаимопонимание, и привлекательная внешность, и хозяйственность, т.е. предъявляют к женщине более развернутый список равноценных для них качеств. Все это, несомненно, соответствует традиционной модели идеального брака: красивая, преданная «хранительница домашнего очага», которая всегда поддержит своего мужа — любящего и верного «добытчика и кормильца» добрым словом и умным советом.

Таблица 2

**Распределение ответов на вопрос
«Идеальный партнер, с которым Вы бы хотели построить (или уже строите) долгосрочные
(в перспективе семейные) отношения, — это человек, который»**

Варианты ответов	Всего	Юноши	Девушки
Любит меня	71,5%	65,6%	74,9%
Никогда меня не предаст	55,8%	48,9%	59,9%
Человек, которого люблю я	54,1%	50,6%	55,2%
Хочет создать со мной семью	48,7%	47,2%	49,8%
Разделяет общие со мной интересы	47,4%	43,9%	49,5%
Понимает меня с полуслова	42,9%	41,7%	44,4%
Умеет доставлять сексуальное удовольствие	37,6%	40%	35,8%
Обладает привлекательной внешностью	35,4%	47,2%	27,2%
Хочет иметь со мной общих детей	35,2%	31,7%	37,3%
Должен быть хозяйственным(ой)	33%	42,8%	25,4%
Много зарабатывает	21,5%	11,1%	28%
Идеален во всем	11,8%	11,1%	12,5%
Нравится моим близким и друзьям	10,1%	9,4%	10,4%
Приемлем для меня с точки зрения религиозной принадлежности	8,8%	8,9%	9%
Приемлем для меня с точки зрения национальной принадлежности	7,1%	6,7%	7,5%
Одного возраста со мной	2,1%	3,9%	1,1%
Другое	1,3%	1,1%	1,4%

Учитывая социально-демографические особенности выборки, вполне ожидаемо в качестве самых подходящих мест для знакомства с целью серьезных отношений («обретения» идеального партнера для супружества) респонденты назвали, прежде всего, университет/институт (60%) и в гостях у друзей (58%).

Забавно, что каждый третий юноша планирует познакомиться с описанной выше разносторонне одаренной будущей супругой на улице, а каждый пятый — в общественном транспорте, что свидетельствует как о приверженности традиционно «мужским» поведенческим практикам (социально более нормальными для мужчин, чем для девушек, считаются знакомства на улице и в транспорте), так и, видимо, о несколько большей романтичности (рис. 5).

Впрочем, понятия «любовь», «семья» и «брак» для каждого второго студента являются близкими, но отнюдь не тождественными — в их абсолютной равно-

значности уверен лишь каждый третий, и гендерных различий, как можно было бы ожидать, здесь не прослеживается. Видимо, в восприятии молодежи семья и брак могут быть основаны не только на любви, а она, в свою очередь, необязательно предполагает создание семьи и заключение брака: об этом свидетельствует рост числа так называемых «гражданских браков» — официально не зарегистрированных, но рассматриваемых совместно проживающими людьми как полноценный аналог брака, просто без «никому не нужных формальностей/бумажек».

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, где сегодня можно познакомиться с парнем/девушкой в Москве для серьезных отношений?»

Обозначенные выше акценты и гендерные различия оказались суммированы в распределении ответов на вопрос о том, какую идеальную модель семьи студенты хотели бы иметь в будущем (табл. 3). В целом по выборке идеальная семья — это партнерские, равноправные отношения супругов (46%), которые вместе воспитывают детей (45%), желательно зарегистрировав свой брак в органах ЗАГС (35%); чуть менее значимы всепоглощающая любовь (24%) и распределение семейных обязанностей — традиционное (23%) или партнерское (22%). Гендерные различия здесь значительны, но предсказуемы: для девушек идеальная семья — это официально зарегистрированные партнерские отношения с рождением детей и равным распределением домашних обязанностей; только девушки (хотя и всего 3%) считают, что идеальный союз — брак по расчету, где муж полностью обеспечивает жену (для юношей подобная альтернатива — жить за счет жены — неприемлема).

Юноши менее консолидировано описывают идеальную модель семьи, и приоритеты в ней иные: в первую очередь, это совместное воспитание детей, на втором месте — партнерские отношения супругов, официальная регистрация брака и традиционное распределение обязанностей между женой-домохозяйкой и мужем-добытчиком.

Интересно, что религиозную форму заключения брака отметило в два раза больше юношей, чем девушек (12% против 6%), что, видимо, можно расценивать как уверенность мужчин, что в идеальном браке все должно быть «по правилам», включая и церковный обряд. Большинство опрошенных (61%) уверено, что молодой семье нужно жить отдельно, но родители должны ей помогать; каждый четвертый полагает, что взаимоотношения с родителями и выбор места жительства молодой семьи зависят от конкретной ситуации (юноши чаще, чем девушки — 28% против 20%); каждый десятый убежден, что молодые должны принимать решение, где им жить после вступления в брак, совместно с родителями, чтобы избежать в дальнейшем конфликтов и упреков.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Какова для Вас идеальная модель семьи, которую Вы бы хотели иметь в будущем?»

Варианты ответов	Всего	Юноши	Девушки
Семья, где между мужем и женой складываются партнерские, равноправные отношения	45,5%	29,8%	55,6%
Не представляю себе семьи без детей	45,3%	43,8%	46,6%
Обязательно официально зарегистрированный в органах ЗАГС брак	35,1%	30,9%	38%
Главное — любовь, остальное не важно	24,1%	23%	24,4%
Традиционная семья, где муж — глава семьи, а жена занимается домашним хозяйством	23,1%	34,3%	15,8%
Равное распределение домашних обязанностей	22,2%	16,3%	26,2%
Можно жить и в гражданском браке	16,8%	16,3%	17,2%
Равный вклад каждого из супругов в семейный бюджет	11,4%	11,2%	11,8%
Не представляю себе семейной жизни без религиозной формы заключения брака	8,2%	11,8%	6,1%
Брак без детей – любящие люди могут жить для себя	2,6%	2,2%	2,9%
Брак по расчету — чтобы супруг(а) полностью меня обеспечивал(а)	1,9%	0	3,2%

17% опрошенных уверены, что для них лично идеальная семья возможна и в гражданском браке, но положительно к официально не зарегистрированному браку относится 70%, считая, что это прекрасный способ попробовать пожить вместе и почувствовать себя семьей (53%) или вид свободных отношений, когда в любой момент каждый может уйти (17%). Большинство (75%) нормально воспринимает и брачный договор; девушки чаще убеждены в его приемлемости, если оба супруга согласны на его заключение (65% против 52%), а юноши чаще подчеркивают его необходимость в современном обществе (19% против 13%); каждый четвертый респондент категорически против подобных договоров между любящими людьми.

Когда мы проводим репрезентативные по всем курсам обучения опросы студентов РУДН, то обычно фиксируем порядка 2% официальной брачности. По-

скольку в данном случае мы сконструировали выборку старшекурсников и магистров, то этот показатель вырос до 5%; в гражданском браке живут 8%; 46% пока не живут вместе, а только встречаются; у 42% нет любимого человека. Respondенты полагают, что людям следует официально оформлять свои отношения, если они психологически к этому готовы (54%) и финансово независимы — могут обеспечивать себя и свою семью (53%); все другие соображения по частоте упоминаний значительно отстают от двух данных критериев «готовности» к браку (рис. 6).

Когда людям следует официально оформлять свои отношения?

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, когда людям следует официально оформлять свои отношения?»

Студенты считают, что люди вступают в брак ради продолжения рода (48%), обретения близкого человека, который поймет и поддержит в любой жизненной ситуации (47%), чтобы не расставаться с любимым, чувствовать себя нужным кому-то, иметь возможность о ком-то заботиться (по 40%). Значительно отстают от этих мотивов создания семьи и вступления в брак стремление к уютному быту (29%), желание избежать одиночества (25%), обрести постоянного сексуального партнера (18%) и выполнить свой человеческий долг (15%) (рис. 7). Гендерные

различия здесь незначительны: юноши чаще называют в качестве причины создания семьи и заключения брака желание не расставаться с любимой (44% против 37%), для девушек важнее чувствовать свою нужность и заботиться о ком-то (44% против 35%).

Для чего люди вступают в брак, создают семью?

Рис. 7. Распределение ответов на вопрос «Для чего, по-Вашему, люди вступают в брак, создают семью?»

Учитывая, что сегодня заключение брака предполагает дорогостоящую «процедуру» (свадьбу, свадебное путешествие) и «последствия» (нередко съём жилья, обеспечение бóльшего количества членов семьи всем необходимым и пр.), вполне предсказуемо в качестве оптимального возраста вступления в брак 42% студентов назвали 24—25 лет, два других наиболее частотных интервала сосредоточены вокруг этого показателя: 21—23 года (27%) или же 26—35 лет (25%). Интервалы не оговаривались в анкете: респондентам был задан открытый вопрос «Какой возраст Вы считаете оптимальным для официального вступления в брак?», полученные ответы были сгруппированы в интервалы исходя из их наполненности. Группировка выявила и гендерные различия: 46% девушек считают оптимальным возрастом вступления в брак 24—25 лет, юноши считают таковым два интервала — 24—25 лет (37%) и 26—35 лет (40%); верхний предел брачности в обеих подгруппах одинаков — 26—35 лет.

Подобные различия предсказуемы: российское общество, судя по опросам общественного мнения, остается патриархальным и маскулиноцентрированным

на уровне устойчивых коллективных представлений — на мужчину возлагается бóльшая ответственность за материальное благосостояние семьи, обеспечить которое до 24 лет менее вероятно, чем в возрасте старше 26 лет, т.е. через 3—4 года после окончания вуза и начала полноценной работы, которую не нужно совмещать с учебой, а потому можно рассчитывать на более высокую заработную плату. На девушек, видимо, давят сохраняющиеся стереотипы «старой девы», «старородящей» (хотя сегодня таковой считается женщина, рожаящая первого ребенка в возрасте 34 лет, а не, как в советское время, 24 лет) и ожидания окружающих, что после окончания вуза девушка должна начать активно реализовать «семейный проект»: если она не выходит замуж сразу после получения диплома, то, по крайней мере, должна серьезно озаботиться этим вопросом и к 24—25 годам создать семью. Подобную аргументацию подтверждает и распределение ответов на открытый вопрос об оптимальном возрасте рождения детей.

Используя схожую модель группировки ответов, мы получили консолидированное мнение юношей — 69% указали возраст в интервале от 26 до 35 лет; разброс ответов у девушек больше, но самых частотных интервала также два — 24—25 лет (45%) и 26—35 лет (38%). Впрочем, юноши и девушки солидарны в обозначении верхнего предела деторождения — 80% назвали цифру в интервале 26—35 лет.

Что касается желаемого количества детей, то модальным значением стало два ребенка (это число назвало 40% опрошенных), каждый четвертый хотел бы иметь троих детей, каждый десятый — лишь одного, 16% вообще не задумывались на эту тему. Гендерные различия по данному вопросу незначительны: девушки чуть реже хотели бы иметь одного ребенка (8% против 11%), юноши, наоборот, реже называют троих детей (21% против 28%). Предсказуемо более существенными оказались различия, обусловленные материальным положением, хотя 2—3 детей — самые частотные значения во всех имущественных группах, за исключением самых необеспеченных (тех, кому «часто не хватает средств даже на самое необходимое»): 17% из них хотели бы иметь одного ребенка, по 25% — двоих, троих или пока не выработали стратегию репродуктивного поведения.

По мере роста материального благосостояния (в анкете использовалась стандартная «пятичленная» шкала оценки потребительских возможностей) доля желающих иметь двух детей увеличивается за счет сокращения мечтающих о трех детях (в самой богатой группе эта тенденция нарушается, но ее доля в выборке, как и всегда в опросах, крайне мала и потому она непоказательна).

В качестве отрицательных сторон семейной жизни респонденты называют, прежде всего, то, что семья налагает массу ответственностей, ограничивает личную свободу и в ней неизбежны обиды и конфликты (по 33%); далее следует бытовая рутина (28%), то, что семья затрудняет профессиональный рост и карьеру (25%), утомляя своим однообразием (23%), заставляя слишком много работать, чтобы обеспечить ее материальное благополучие, и доставляя массу тревог и огорчений (по 16%) — в такой обстановке сложно сохранить любовь (13%). Гендерные различия по данному вопросу незначительны, но показательны: девушки чаще

подчеркивают неизбежность обид и конфликтов (37% против 26%) и бытовых сложностей (32% против 21% — они по определению в меньшей степени затрагивают мужчину), а потому — проблематичность сохранения любви (16% против 9%) (рис. 8).

Отрицательные стороны семейной жизни

Рис. 8. Распределение ответов на вопрос «В чем Вы видите отрицательные стороны семейной жизни?»

Самыми распространенными причинами семейных конфликтов респонденты считают расхождения во взглядах на быт и образ жизни семьи (57%), отсутствие/недостаток денег (44%), сексуальную неудовлетворенность (36%), нежелание выполнять домашние обязанности (35%), чрезмерное общение одного из членов семьи со своими друзьями/родственниками (32%), его гиперувлеченность своими интересами (хобби) или же депрессию (по 27%) — все эти причины сфокусированы в частной сфере (религиозные и идеологические противоречия в совокупности набрали 11%).

Девушки вновь проявили себя как консолидировано более обеспокоенные рядом причин семейных конфликтов — материальными проблемами (48% против 39%), сексуальными (40% против 30%) и депрессией одного из членов семьи (30% против 21%).

Разногласий между девушками и юношами нет относительно факторов, препятствующих разводу — это дети (82%); все остальное — совместные имущество

(15%) и бизнес (8%), опасения за здоровье супруга (12%), боязнь утраты социального положения (5%) — вряд ли сможет удержать людей вместе.

Таким образом, результаты анкетирования подтвердили статистически зафиксированные тенденции, согласно которым семья в России на протяжении XX в., как и во всех современных обществах, становилась все более детоцентристской и малодетной. Большинство студентов выросло в полных семьях, в атмосфере теплых, дружеских отношений с родителями, уважающих мнение и учитывающих пожелания своих детей, а потому нынешняя молодежь ориентирована на воспроизведение в будущем в собственных семьях аналогичной модели взаимоотношений — основанных на любви, дружеском участии и взаимопонимании.

Любовь для молодежи — весьма многогранное понятие, доминантами которого выступают абсолютное доверие, взаимопонимание и ответственность, подкрепляемые общими интересами, интимной близостью и восхищением любимым человеком, причем для девушек более важно доверие, а для юношей — восхищение. Соответственно, идеальный партнер для брака — любящий и любимый человек, преданный семье, понимающий; девушкам важно и материальное положение супруга, а юношам — хозяйственность и красота супруги, встретить которую они нередко рассчитывают случайно, просто на улице.

Понятия любви, семьи и брака в восприятии молодежи близки, но не тождественны, поэтому базовые черты идеальной будущей семьи — партнерские, равноправные отношения супругов, которые вместе воспитывают детей и четко распределяют обязанности, живя отдельно от родителей, а уже затем — любовь. Студенты нормально воспринимают и официально не зарегистрированный брак, и брачный договор, но уверены, что официально оформлять отношения нужно только тем, кто к этому готов — и психологически (хочет детей, жить вместе с любимым человеком, решать с ним вместе все проблемы, заботиться о нем), и материально (достаточно зарабатывает, чтобы все это себе позволить), что возможно не ранее 24—25 лет.

Отрицательные стороны семейной жизни молодежь связывает, прежде всего, с грузом ответственности, с ограничениями личной свободы и карьеры, с бытовой рутинной и неизбежностью обид и конфликтов вследствие разных взглядов (на быт, образ жизни семьи и поведение ее членов) и материальных проблем. Единственное, что может сохранить семью и удержать супругов от развода — это дети, т.е. мы опять вернулись к детоцентристскому типу семьи.

Иными словами, в ответах студентов отчетливо наметилось двойственное восприятие семьи и брака и ролевых моделей поведения супругов: с одной стороны, речь идет о рождении и совместном воспитании детей, с другой стороны — о своеобразной «супружеской общности», где молодые люди надеются обрести стабильные эмоционально-личностные привязанности.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) См., напр.: *Троцук И.В.* Ценностные ориентации студенческой молодежи в трансформирующемся обществе // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2008. №4. С.66—77; *Троцук И.В.* Ценностные ориентации студенческой молодежи России и КНР: региональный срез (на примере Гуанчжоу и Майкопа, Республика Адыгея) // Вестник РУДН. Серия

«Социология». 2009. № 4. С. 26—39; *Нарбут Н.П., Троцук И.В., Цзи Цзиньфэн.* Ожидания и опасения студенческой молодежи: социологическая оценка в кросскультурном контексте // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2014. № 1. С. 149—167.

- (2) Мы целенаправленно сфокусировались на студенчестве, потому что оно, во-первых, составляет наибольший сегмент нынешней российской молодежи; во-вторых, по определению ориентировано на профессиональную самореализацию.
- (3) Здесь и далее приводятся общие данные по выборке — гендерные различия характеризуются только в том случае, если таковые наблюдались.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Антонов А.И.* Микросоциология семьи: методология исследования структур и процессов. М., 1998.
- [2] *Борисов В.А., Синельников А.Б.* Брачность и рождаемость в России: демографический анализ. М., 1995.
- [3] *Василенко И.В., Иваненко Н.В.* Нравственные координаты внутрисемейного сознания // Мужчина и женщина в современном мире: меняющиеся роли и образы. Т. 1. М., 1999.
- [4] *Голод С.И.* Моногамная семья: кризис или эволюция? // Социально-политический журнал. 1995. № 6.
- [5] *Голод С.И.* Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб., 1998.
- [6] *Голод С.И.* Современная семья: плюрализм моделей // Социологический журнал. 1996. № 3—4.
- [7] *Голод С.И.* XX век и тенденции сексуальных отношений в России. СПб., 1996.
- [8] *Григорьева И.А.* Социальная политика и социальное реформирование в России в 90-х гг. СПб., 1998.
- [9] *Дементьева И.Ф.* Трансформация ценностных ориентаций в современной российской семье // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2004. № 6—7.
- [10] *Журженко Т.* Старая идеология новой семьи: демографический национализм России и Украины // Семейные узы: Модели для сборки: Сб. ст. Кн. 2 / Сост. и ред. С. Ушакин. М., 2004.
- [11] *Захаров С.В.* Возраст при регистрации браков повышается // Население России. 2001. Ежегодный демографический доклад / Под ред. А.Г. Вишневого. М., 2002.
- [12] *Здравомыслова Е., Темкина А.* Социальная конструкция гендера и гендерная система в России // Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период: Сб. ст. Вып. 4. СПб., 1996.
- [13] *Здравомыслова О.М., Арутюнян М.Ю.* Российская семья на европейском фоне. М., 1998.
- [14] *Зоркая Н.* Проблемы повседневной жизни семьи. «Бедность» как фокус восприятия повседневных проблем // Мониторинг общественного мнения. 2003. № 1.
- [15] *Иванова Е.И., Михеева А.Р.* Внебрачное материнство в России // Социологические исследования. 1999. № 6.
- [16] *Левин М.* Деревенское бытие: нравы, верования, обычаи // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник / Под ред. В. Данилова, Т. Шанина. М., 1997.
- [17] *Лунякова Л.* «Чем мужика кормить, лучше ребенка воспитывать одной»: социальный портрет материнских семей // Семейные узы: Модели для сборки: Сб. ст. Кн. 2. / Сост. и ред. С. Ушакин. М., 2004.
- [18] Проблемы семьи в советской социологической литературе (научно-аналитический обзор) // Эволюция семьи в современном обществе. Реферативный сборник. М., 1989.
- [19] *Рабжаева М.В.* Историко-социальный анализ практик семейной политики в России XX века // Социологические исследования. 2004. № 6.

- [20] *Римашевская М.Н.* Роль семьи в условиях социальных трансформаций // Семья, гендер, культура / Отв. ред. В.А. Тишков. М., 1997.
- [21] *Римашевская Н., Ванной Д., Мальшева М., Мещеркина Е., Писклакова М.* Окно в русскую частную жизнь. Супружеские пары в 1996 г. М., 1999.
- [22] Социальный потенциал семьи / Под ред. А.И. Антонова. М., 1988.
- [23] *Ушакин С.* Место-имени-я: семья как способ организации жизни // Семейные узы: Модели для сборки: Сборник ст. Кн. 1 / Сост. и ред. С. Ушакин. М., 2004.
- [24] *Шмелева М.Н.* Некоторые проблемы этнографического изучения современной городской семьи русских (методологические аспекты) // Проблемы и методы исследования современной семьи. М., 1997.

FAMILY, MARRIAGE, LOVE — EQUAL OR UNRELATED CONCEPTS FOR RUSSIAN YOUTH?

I.V. Trotsuk, E.A. Savelieva, A.A. Saleh

Sociology Chair

Peoples' Friendship University of Russia

Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The article emphasizes the continuing relevance of the sociological study of the relationship between concepts of family, marriage and love for the family is one of the oldest types of social interaction and the basic social institution in the foreseeable future. The authors reconstruct the key themes of the sociological discussion on the key trends in the transformation of family models and the main features of the Russian research tradition in the field. At first the authors summarize contexts and accents in the studies evaluating the role of the family in the contemporary society and the main factors determining the 'normality' of the 'families' that previously were considered unacceptable forms of relations. In the second part of the article, the authors discuss the results of the senior students' survey conducted in the PFUR to characterize the youth perception of family, marriage and love. In particular, the article presents the dominant interpretations of love, marriage and family, the features of an 'ideal partner' and ways to find him/her, the basic components of an 'ideal family/marriage', the conditions for legal marriage, its negative aspects and reasons not to divorce. The sphere of family and marriage relations in Russia is full of gender stereotypes, thus we focused on the differences between boys and girls that revealed the youth continuing commitment to the traditional role models — a man as a 'money-maker' and a woman as a 'homemaker'.

Key words: values; value orientations; love; friendship; family; marriage; youth; an empirical sociological research.

REFERENCES

- [1] *Antonov A.I.* Mikrosociologija sem'i: metodologija issledovanija struktur i processov. M., 1998.
- [2] *Borisov V.A., Sinel'nikov A.B.* Brachnost' i rozhdmost' v Rossii: demograficheskij analiz. M., 1995.
- [3] *Vasilenko I.V., Ivanenko N.V.* Nравstvennye koordinaty vnutrisemejnogo soznanii // Muzhchina i zhenshhina v sovremennom mire: menjajushhiesja roli i obrazy. Т. 1. М., 1999.

- [4] *Golod S.I.* Monogamnaja sem'ja: krizis ili jevoljucija? // *Social'no-politicheskij zhurnal*. 1995. № 6.
- [5] *Golod S.I.* Sem'ja i brak: istoriko-sociologicheskij analiz. SPb., 1998.
- [6] *Golod S.I.* Sovremennaja sem'ja: pljuralizm modelej // *Sociologicheskij zhurnal*. 1996. № 3—4.
- [7] *Golod S.I.* HH vek i tendencii seksual'nyh otnoshenij v Rossii. SPb., 1996.
- [8] *Grigor'eva I.A.* Social'naja politika i social'noe reformirovanie v Rossii v 90-h gg. SPb., 1998.
- [9] *Dement'eva I.F.* Transformacija cennostnyh orientacij v sovremennoj rossijskoj sem'e // *Vestnik RUDN. Serija «Sociologija»*. 2004. № 6—7.
- [10] *Zhurzhenko T.* Staraja ideologija novoj sem'i: demograficheskij nacionalizm Rossii i Ukrainy // *Semejnye uzy: Modeli dlja sborki: Sb. st. Kn. 2 / Sost. i red. S. Ushakin. M., 2004.*
- [11] *Zaharov S.V.* Vozrast pri registracii brakov povyshaetsja // *Naselenie Rossii*. 2001. Ezhegodnyj demograficheskij doklad / Pod red. A.G. Vishnevskogo. M., 2002.
- [12] *Zdravomyslova E., Temkina A.* Social'naja konstrukcija gendera i gendernaja sistema v Rossii // *Gendernoe izmerenie social'noj i politicheskoy aktivnosti v perehodnyj period: Sb. st. Vyp. 4. SPb., 1996.*
- [13] *Zdravomyslova O.M., Arutunjan M.Ju.* Rossijskaja sem'ja na evropejskom fone. M., 1998.
- [14] *Zorkaya N.* Problemy povsednevnoj zhizni sem'i. «Bednost'» kak fokus vosprijatija povsednevnyh problem // *Monitoring obshhestvennogo mnenija*. 2003. № 1.
- [15] *Ivanova E.I., Miheeva A.R.* Vnebrachnoe materinstvo v Rossii // *Sociologicheskie issledovanija*. 1999. № 6.
- [16] *Levin M.* Derevenskoe bytie: nruvy, verovanija, obychai // *Krest'janovedenie. Teorija. Istorija. Sovremennost'. Ezhegodnik / Pod red. V. Danilova, T. Shanina. M., 1997.*
- [17] *Lunyakova L.* «Chem muzhika kormit', luchshe rebenka vospityvat' odnoj»: social'nyj portret materinskih semej // *Semejnye uzy: Modeli dlja sborki: Sb. st. Kn. 2 / Sost. i red. S. Ushakin. M., 2004.*
- [18] *Problemy sem'i v sovetsoj sociologicheskoy literature (nauchno-analiticheskij obzor) // Jevojucija sem'i v sovremennom obshhestve. Referativnyj sbornik. M., 1989.*
- [19] *Rabzhaeva M.V.* Istoriko-social'nyj analiz praktik semejnoy politiki v Rossii HH veka // *Sociologicheskie issledovanija*. 2004. № 6.
- [20] *Rimashevskaya M.N.* Rol' sem'i v uslovijah social'nyh transformacij // *Sem'ja, gender, kul'tura / Otv. red. V.A. Tishkov. M., 1997.*
- [21] *Rimashevskaya N., Vannoy D., Malysheva M., Mescherkina E., Pisklakova M.* Okno v russkiju chastnuju zhizn'. Supruzheskie pary v 1996 g. M., 1999.
- [22] *Social'nyj potencial sem'i / Pod red. A.I. Antonova. M., 1988.*
- [23] *Ushakin S.* Mesto-imeni-ja: sem'ja kak sposob organizacii zhizni // *Semejnye uzy: Modeli dlja sborki: Sbornik st. Kn. 1 / Sost. i red. S. Ushakin. M., 2004.*
- [24] *Shmeleva M.N.* Nekotorye problemy jetnograficheskogo izuchenija sovremennoj gorodsoj sem'i russkih (metodologicheskie aspekty) // *Problemy i metody issledovanija sovremennoj sem'i. M., 1997.*